

Бронзовый путь. В эпоху, о которой говорится в эпических поэмах, эта дорога соединяла Имперский город с районом, где добывали медь - главный материал для производства бронзового оружия и доспехов. Когда жилы медной руды иссякли, дорога затихла.

В последние годы древняя дорога вновь стала оживленной. По ней сновали люди и лошади с измученным выражением лица: все они потеряли свои дома и теперь были беженцами, изгнанными Реинкарнаторами. Кто-то мог рассчитывать на дальних родственников, кто-то мог скитаться, не имея ничего, кроме одежды. Как бы то ни было, они должны были выжить. Этот инстинкт двигал толпу вперед.

У старого заброшенного храма на обочине дороги собрались люди, чтобы отдохнуть. На костре, разложенном на алтаре, сжигали жертвенного зверя, приносимого в жертву богам.

От удара Дилла отбросило назад, меч сломался. Внезапно оказавшись на земле, он с трудом поднялся на ноги; опираясь на обломок клинка, он попытался встать на колени, но сил в ногах уже не осталось. Он перевернулся на спину и уставился на бога, его глаза пылали ненавистью, как расплавленный свинец.

Блестящий бог посмотрел на жалкую фигуру Дилла с выражением жалости.

— Послушай, сын мой Продотис, дитя бога солнца Трусливой машины. С какой целью такой человек, как ты, обреченный на смерть, вызывает на бой бессмертных богов? Один из твоих родителей, возможно, и был божеством, но другой был смертным. Конечно, у тебя нет шансов на победу.

— Отец, Трусливая машина, которого даже среди богов приветствуют стада людей... Я отвечу на твой вопрос. Я ищущий бессмертия - того, чем обладаете вы, боги, но чего лишены мы, люди. Богам не суждено умереть, им не нужно жить в страхе перед болезнями и голодом. У нас все иначе. Тень смерти постоянно нависает над нашей жизнью, и как бы ни было нам больно, мы знаем, что разлучимся с теми, кого любим. В равной степени смерть разлучит нас с нашими врагами. Я возмущен такой судьбой.

Трусливая машина, бог юности, наслаждающийся вечной весной, - актер, исполняющий роль этого бога, положил руку на лоб и вздохнул. Даже такой тихий вздох далеко разносился в тишине, окружавшей сцену, воздвигнутую перед храмом. Зрители были заморожены этим представлением, и никто не шелохнулся.

— Познай себя, сын. Не выходи за рамки своего положения. Боги покарают того, кто станет заносчивым и будет стремиться к большему, чем ему позволено, даже если это будет один из наших детей.

Бог натянул лук, и зрители затаили дыхание, хотя это был сценический реквизит, не имеющий железного наконечника стрелы. Дилл тоже сыграл свою роль - человека, на которого бог нацелил свою меткую стрелу, несмотря на то, что лук был всего лишь муляжом.

Под угрозой смерти у человека был только один почетный путь - без страха смотреть в лицо приближающейся гибели и принять ее.

— Довольно. Боги и дети человеческие, все вы - опустите оружие!

Раздался над сценой голос почтенного человека. Со скрипом дерева внутри сцены сработало устройство, работающее по простому принципу, которое позволяло поднимать и опускать актера. Так появился царь богов.

"Герой Продотис, сын Труса... просьба твоя услышана. Однако боги есть боги, а люди есть люди. Даже я, Тревожная машина, царь всех богов, не могу изменить судьбу, предначертанную роду человеческому.

— Тогда что же ты сделаешь, Тревожный, бог мудрости?

— Продотис, ты прощен. Но не как мятежный человек, а как один из наших сородичей, новая опора богов. Носи себя с гордостью, ибо ты завоевал себе бессмертие. Отныне ты должен идти рука об руку со своим благочестивым отцом и жить в согласии вечно.

Царь богов протянул руки, объявляя о завершении рассказа. Даже боги были вынуждены преклонить колени перед этим решением.

Дилл, изображавший героя Продотиса, широко улыбнулся, показав зубы. Взмахнув над головой сломанным мечом, он отсалютовал царю богов, прародителю всего сущего.

Под гром аплодисментов опустился последний занавес античной трагедии "Продотис". Актеры выстроились на сцене в ряд, поклонились, и Дилл с восторгом пожал руку юноше, игравшему роль Трусливой машины.

— У тебя есть талант, и ты молод. В следующий раз я буду надеяться, что ты сыграешь Продотиса. Надеюсь, когда-нибудь мы снова сможем стоять на одной сцене.

Дилл похлопал юношу по плечу, затем прошел за кулисы и спустился вниз. Отделенная от остальной сцены тяжелыми шторами комната отдыха актеров.

— Дилл, с возвращением!

Маленькая девочка прыгнула в протянутые руки Дилла. Поставив ногу на его колено, она ухватилась за широкие плечи и вскарабкалась, в мгновение ока оказавшись в его объятиях.

— Сегодня у тебя, как всегда, захватывало дух! Такой красавчик! Такой привлекательный мужчина! — Девочка подняла на него покрасневшие глаза; собственные ржаво-коричневые глаза Дилла потерялись в его улыбке.

— Ты очень умная, Нью. Ты действительно умеешь льстить своему папе. Что ты собираешься попросить на этот раз?

— Я хочу чего-нибудь сладкого! — Дилл провел пальцем по лбу. Несмотря на возражения, девочка рассмеялась. Дилл поцеловал ее в лоб и черные волосы. Мальчик, свернувшийся рядом, обиженно посмотрел на Дилла.

— Ты все равно убийца.

В глазах мальчика была неподдельная ненависть. Антипатия, которую Дилл разыгрывал на сцене, глядя на богов, ползающих по земле, казалась вполне реальной, но в конечном счете подлинная картина была совсем иной. Это был тот самый мальчик, которого Дилл спас несколько дней назад из деревни, атакованной Реинкарнаторами. Спасая свою жизнь и не находя себе места, мальчик поневоле пошел с Диллом.

— У меня не было другого выбора, кроме как убить его. Он был уже не в себе. — Дилл оправдывался тихо. В отличие от своего силового выступления на сцене, сейчас он сгорбился в кресле, из его лица исчезла всякая уверенность.

Тон мальчика по отношению к нему был суров.

— Должен же был быть способ спасти его.

— Не слышал ни о каком.

— Может, мы бы нашли.

— Если бы я тратил время на спасение твоего отца, тебя бы убили. Мне было бы лучше умереть, чем тебе жить без него!

На этом Дилл замолчал. Девочка, прижавшаяся к Диллу, быстро слезла и встала перед мальчиком.

— Не надо говорить такие депрессивные вещи. Всегда лучше быть живым.

Видимо, не в силах выместить на невинной девочке своего возраста ту же обиду, что и на Дилле, мальчик только отмахнулся, уставившись на свои ноги.

— Мне бы хотелось, чтобы ты хотя бы сказал, как тебя зовут. Я - Нью Кирисаки! А тыя? — спросила девочка с черными волосами, наклонив голову набок. Ее глаза сверкали, как рубины.

Когда мальчик поднял голову, его щеки оказались такими же красными.

Прибыв к алтарю, где проходил ритуал жертвоприношения, Дилл был встречен с восторгом - несомненно, в честь его предыдущего выступления. Ему предложили несколько лучших кусков свежерезанного зверя. Только часть зверя приносилась в жертву богам, остальное оставалось на съедение верующим. Дилл предложил кусочки мяса на шампуре сначала детям.

— Вы должны наесться досыта. Это мясо - для смертных людей, а кости, которые никогда не разлагаются - для бессмертных Машин. Давайте возьмем то, что нам принадлежит.

— Не мог бы ты перестать объяснять, как будто ты действительно знаешь, о чем говоришь? Ты убил моего отца. Ты последний человек, которого я бы слушал.

В глубине сознания мальчика затаилось воспоминание о том, как он в последний раз присутствовал на подобной церемонии, где его отец объяснял обряды и их историю.

Плечи Дилла опустились. Он не мог знать, что чувствует мальчик в глубине души.

— Маленькие дети никогда не проявляют особого интереса к религии.

Рядом с ним Нуэ почему-то повторила его позу, напустив на себя авторитетный вид.

— Во все времена так! — повторила она.

— Ты такая надоедливая, — огрызнулся мальчик.

Ты такая милая. Это были настоящие мысли мальчика, совершенно не совпадающие с его словами. Даже его ненависть к Диллу начала уменьшаться.

— Нью, покажи ему, как мы выражаем почтение богам.

— Поняла!

Нью Кирисаки сначала подняла мясо на шампуре высоко над головой, а затем с энтузиазмом откусила его своими жемчужно-белыми зубами.

— Ух ты, как вкусно! Я не могу насытиться! Видишь? Очень вкусно. Не хочешь попробовать?

— Нет, спасибо.

Нью надулась, получив такой холодный отказ. Положив руку ей на плечо, Дилл шагнул вперед.

— Если отбросить религию, то тебе действительно нужно поесть. Как только ты наешься и напьешься, мы отправимся в путь.

Мальчик нахмурил свои бледные брови, не зная, что делать дальше.

Дилл продолжил.

— Решай сам, сопровождать ли нас дальше. Однако, как по мне, этот лагерь продлится недолго. В ближайшем будущем Реинкарнаторы наверняка придут и убьют всех, кто остался.

— В таком случае, почему бы не остаться и не встретиться с ними лицом к лицу? Разве ты не думаешь, что это прекрасная возможность? Ты ведь хочешь найти тело своей дочери, не так ли?

Услышав это, Дилл сардонически улыбнулся. Это была скорее самоуничижительная, чем насмешливая улыбка в адрес мальчика.

— Я не верю в битвы, в которых не могу победить.

— Трус.

Когда мальчик посмотрел на Дилла, в его глазах снова появились враждебность и презрение.

— Вместо того чтобы бросить вызов сотне противников сегодня и погибнуть, я предпочитаю потратить сто дней на уничтожение одного за другим, пока они все не умрут.

Дилл спокойно встретил взгляд мальчика.

— Так я смогу убить их больше. Это путь, который я выбрал, вместо жизни трагического героя.

— По сравнению с тем, кого ты играл на сцене... — начал мальчик с ненавистью в голосе, но остановился, когда его неожиданно ткнули в ребра. Обернувшись, он увидел красноглазую Ню, державшую в каждой руке по шампуру с мясом.

— Ню, двуручное оружие!

— Почему ты так выжидательно смотришь на меня? — спросил мальчик. — Нет, я же сказал, что не хочу... Я не буду это есть! Нет, я не буду говорить "Да"!

Дилл криво усмехнулся, повернулся к детям спиной и направился к алтарю.

Костер горел ярко. Разрушенный храм, заросший мхом, был вычищен. За алтарем стояла статуя бога - точнее, там обитал сам бог Редгарда.

Лицо бога было разбито, руки отвалились, обнажив разноцветные поперечные сечения, напоминающие мышечные волокна. Внутри виднелся проржавевший железный каркас. Из остатков челюсти торчали различные кабели, колыхавшиеся на ветру и почти напоминавшие благородную бороду.

Тихая машина. Согласно записям, оставленным в этом храме, именно так зовут этого бога. Считается, что он был региональным богом, который управлял группой рек, обеспечивая ежегодный урожай. Жрец, проводивший обряд жертвоприношения, подошел к Диллу и

рассказал ему все это. Под его одеянием виднелись бинты, испачканные кровью.

— Ты тоже беженец?

— Да, но я думаю, что останусь здесь. Я знаю, что проклятая орда мертвецов рано или поздно придет, но кто-то должен защищать храм.

Священник ответил с видом спокойного удовлетворения.

Дилл сразу же заметил, что у него вид мученика, смирившегося со своей смертью.

— Машины, конечно, ценят храмы, посвященные их поклонению, но я думаю, что они не меньше ценят и таких благочестивых верующих, как ты. Особенно в наше время, когда безбожие Реинкарнаторов стало распространяться и на жителей Редгарда. Разве это не часть твоего долга как священнослужителя - выживать и защищать веру?

Как и ожидал Дилл, священник покачал головой.

— Опасаясь за свою жизнь, я бросил храм в своем родном городе и бежал. Моя вера умерла, когда тот храм сгорел. Теперь этот храм - мой последний шанс. Я останусь здесь и восстановлю свою веру.

— Я не стану тебя останавливать, но...

— Несмотря ни на что, я человек, которому суждено умереть. Прощай, герой сцены. Будь осторожен в своем путешествии - кприспешники Реинкарнаторов, как говорят, прячутся на каждом шагу. Пусть боги обеспечат тебе надежную защиту.

<http://tl.rulate.ru/book/93949/3434298>